

Полина Раевская

Поцелованный огнем

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Р16 **Раевская П.**
Поцелованный огнем / Полина Раевская – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 396 с.

ISBN 978-5-524-00754-4

Я все еще хочу тебя. Я все еще охренеть, как сильно, хочу тебя! Я хочу быть для тебя кем-то большим, нежели просто мальчиком для перепиха. Хочу называть тебя своей и иметь возможность сказать всем тем людям, чтобы они отвалили к чертям. Я хочу быть твоим. И прямо сейчас я в том состоянии, чтобы, наконец, сказать это вслух, но при этом все еще помнить, что ты не хочешь ничего из этого. Так что извини! Мне дико жаль, что я пытаюсь двигаться дальше.

ISBN 978-5-524-00754-4

© Lennex Corp, 2026
© П. Раевская, 2026

Полина Раевская

Поцелованный огнем

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Раевская П.

Р16 Поцелованный огнем / Полина Раевская. – М.: Литнет, 2026. – 396 с.

ISBN 978-5-524-00754-4

Я все еще хочу тебя. Я все еще охренеть, как сильно, хочу тебя! Я хочу быть для тебя кем-то большим, нежели просто мальчиком для переписки. Хочу называть тебя своей и иметь возможность сказать всем тем людям, чтобы они отвалили к чертям. Я хочу быть твоим. И прямо сейчас я в том состоянии, чтобы, наконец, сказать это вслух, но при этом все еще помнить, что ты не хочешь ничего из этого. Так что извини! Мне дико жаль, что я пытаюсь двигаться дальше.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00754-4

© Литнет, 2026

© Раевская П., 2026

1. Лариса

Почему-то я была уверена, что это еще не конец, что Красавин, как всегда, остынет, позвонит, приедет, и у нас будет возможность, если не отмотать назад, то хотя бы поговорить нормально.

Но шли дни, а от Богдана не было ни сообщения, ни намек на желание продолжать что-либо. И это... удивило, задело, а после подкосило.

Оказывается, я не ожидала. Хорохорилась, конечно, бравировала, играла в невозмутимость и непробиваемость, а на деле абсолютно не была готова к такому повороту событий.

Когда паника, охватившая меня, стоило осознать свои чувства к Красавину, отступила, и я осталась один на один с последствиями своих страхов, будто шоры спали.

Что я наделала? Зачем? Все ведь действительно было хорошо. Но, видимо, в том и проблема: когда у человека хорошо, он непродуманно начинает искать, где у него плохо. Он же создан выживать и бороться, а когда не надо бороться – это непорядок и беспокойство. Такое, понимаешь ли, эхо естественного отбора. Ну, или просто я – дура трусливая.

Признать это не то, чтобы сложно, но к принятию всегда приходишь не сразу. Сначала продолжаешь ерепениться, отрицать, мол, ну и ладно, и даже хорошо, все равно ничего бы не получилось.

Гонишь его, гонишь из мыслей, а в сердце-то он уже давно прижился, и ты только и делаешь, что телефон из рук не выпускаешь, боясь пропустить сообщение. И так раз, два, неделю, пока не приходит злость, полная сарказма и яда.

Вот, значит, как ты меня любишь?! Хороша же любовь – слиться после одного отказа!

Пусть это в корне несправедливо, неверно, но так хоть немного... хотела бы сказать, легче, увы, нет. Просто не рвет так сильно

на куски и то лишь до поры – до времени. Ведь однажды снисходит принятие и все...

Не остается ни злости, ни бравады, ни страха, одна лишь любовь и понимание, что у всего есть предел. У терпения тоже. И я не имею никакого права обвинять Богдана в чем-либо. Он не виноват, что мой страх оказаться не такой особенной для него, на протяжении наших отношений только и делал, что заталкивал в дальний угол его отношение и обесценивал поступки. Пока Богдан говорил мне всеми способами о своих чувствах, об их серьезности, я сама – только о своих сомнениях. Сомнениях в себе, в наших отношениях, да во всем. Так какого черта теперь плачу, предъявляю претензии, иронизирую?

Ах, не стал бороться, слился, любит не по Шекспировским канонам, а сама?

Люблю, борюсь?

Только, если против самой себя. Вопрос «ради чего?» нет-нет, да возникает, глядя на детей.

По окончанию рождественских праздников они возвращаются в свою привычную, насыщенную друзьями, увлечениями, учебной жизнью, и я становлюсь в ней предметом домашнего обихода, про который вспоминают исключительно, когда он понадобится. Обид это не вызывает, но вот тоску и тот самый вопрос – очень даже.

Нет, я безусловно рада, что у моих детей все хорошо и спокойно, к тому и были все мои стремления, но будучи одна за ужином в огромном, пустом доме, невольно начинаешь думать, как все могло бы быть...

Впрочем, думаешь постоянно: читаешь новости, засыпаешь, глядя на совместные фото, с комом в горле прокручивая в голове каждый момент, когда были счастливы вместе, ищешь своего мальчика в каждом мужчине, ходишь в те рестораны, которые он любит, проезжаешь мимо его клуба, лишь бы только краем глаза, на секундочку увидеть, но, видимо, те крохи удачи, что у меня были, Богдан забрал вместе с собой, оставив лишь горечь и неизбывную тоску.

Тоску по его бархатному голосу, хвойно-цитрусовому запаху, горячим прикосновениям, по его задорной, мальчишеской улыбке, залиvistому, громкому смеху и теплomu, лучистому взгляду, от которого все внутри цвело и пело.

На фото в светской хронике с прошедшего благотворительного вечера он серьезен, хмур, отчужден, под ручку, видимо, с той самой, упомянутой «защеканкой», и все во мне не просто противится, оно собственнически рычит, параллельно скандируя «дура, дура, дура!».

Какое-то время я не оставляю попыток забыть Красавина. Работая, как сумасшедшая, тренируюсь, затеваю даже небольшой ремонт в доме, а потом смотрю на себя измочаленную в зеркало и признаю, что внутренний голос скандировал не зря.

Как? Ну, как можно такого мужчину забыть? Как его разлюбить и допустить мысль, что все истлеет и придет кто-то другой, подходящий? Будто кто-то мог быть ему ровней.

Да ко мне в жизни никто, ни разу не относился с такой заботой, нежностью и пониманием. Это не заменишь, не вытравишь и не сотрешь. Впрочем, я перестала пытаться, просто плыла по реке тоски, скучала до иступления и любила, любила, любила, понимая, что не могу без Богдана. Не дышу, не чувствую вкусов, не различаю дней.

Но были и несомненные плюсы: любовь к нему делала меня чуточку смелее и решительнее. Так, наконец, случился откровенный разговор с Анри о том, что у меня уже есть любимый мужчина, и открыта я исключительно для дружеских отношений, которые мне очень бы хотелось сохранить с Патэ.

Честно, я была готова к самому худшему исходу событий, но Анри приятно удивил, заявив, что рад, что я решилась сказать правду, ибо наблюдать за моими попытками усидеть на двух стульях, ему было крайне неприятно и только по этой причине он обдумывал дальнейшую судьбу нашего сотрудничества, поскольку неконкретные, юлящие люди – так себе бизнес-партнеры.

Сказать, что я испытывала неловкость во время этого разговора – не сказать ничего, но его итог будто снял с моих плеч огромный груз

и, оказалось, что общаться с Анри Патэ действительно приятно, когда все точки расставлены над «ё». Решив окончательно закрепить наши отношения в статусе «дружба», я пригласила Анри на свой день рождения и, получив его согласие, впервые за много дней ехала домой с легким сердцем. Правда, мое приподнятое настроение продлилось недолго, ибо необходимость сделать главный «первый шаг» давила так сильно, что я не могла ни спать, ни есть. Впрочем, меня и без того подташнивало периодически, хоть за всеми переживаниями я все время отмахивалась от этого тревожного звоночка.

Все, что волновало сейчас – это бурлящий котел противоречий моего разума и сердца. Я отчаянно искала компромиссы, чтобы никто не пострадал, и ведь находила, отчего внутри все начинало трепетать надеждой. Вот только прийти с опущенной головой и просить прощения... Я не знала, как, поскольку никогда не была той, что виновата, а теперь не находила слов, ибо все они по-прежнему с оговорками. Да и тараканы все еще сжирали добрую долю моих бабочек.

Что, если уже поздно? Что, если уже не надо? Что, если это все-таки ошибка?

И еще миллионы «что если?». Мне малодушно хотелось зарыть голову в песок, и будь, что будет в надежде, что Богдан сам не выдержит-таки и придет, но в то же время я понимала, что не могу снова ломать его гордость, ибо, как никто знаю, вместе с ней ломается все то, вдохновленное любимым человеком и ему посвященное, пока однажды не превратится в ненависть, а это последнее, чего бы я хотела в наших отношениях.

И пусть мне страшно до безумия, но я еду в питомник, выбираю самого миленького, гипоаллергенного Йоркширского терьера и решаю, что дам себе еще немного времени, а после поеду и подарю Богдану. Он же хотел собаку...

Глупо, конечно, но вряд ли из нашей ситуации есть какие-то удачные для моей гордости выходы. Да и какая гордость, если без него свет не мил?

Словно в ответ на все мои сомнения, Денис приезжает из школы взбудораженный и с горящими радостным блеском глазами.

– Мам, представляешь, мне звонил тренер и сказал, что я могу вернуться к тренировкам?! – объявляет он и, протараторив, что сейчас быстро соберется и поедет, убегает к себе в комнату.

У меня же внутри все переворачивается вверх дном, сердце колотится, как оголтелое, а на губах расцветает такая же, как у сына до сумасшествия радостная улыбка.

Не забыл мой мальчик, решил проблему. Что это, если не знак?

Кое-как дождавшись позднего вечера и, когда сын, вернувшись с тренировки, отправится спать, еду в питомник, забираю щенка и мчусь к Красавину домой, вцепившись трясущимися руками в руль.

То, что Богдан может быть, где угодно, как-то приходит на ум запоздало, но заметив вереницу дорогих машин, выстроившихся на улице и грохочущую из дома музыку, понимаю, я тут со своим подарком ни к месту, но, если не решусь сейчас, не решусь уже никогда. С этой мыслью выхожу из машины.

2. Лариса

Сделав несколько неуверенных шагов на автомате, замираю и, покачив головой, едва не начинаю смеяться.

Господи, я, похоже, окончательно рехнулась! Что делаю?

Там ведь наверняка толпа ребят из боксерского клуба. Не хватало еще, чтобы снова какие-то слухи поползли. Да и вообще... Что я забыла на вечеринке, на которую меня никто не приглашал? Я там никого не знаю, а Богдану сейчас точно не до моих излияний и странных подарков.

Представив себя, пробирающуюся сквозь пьяную, танцующую толпу с щенком на руках, хочется съежиться. Выглядит это все максимально неловко и глупо.

Нет, лучше я как-нибудь потом.

Ставлю корзинку со спящей малышкой обратно на заднее сидение, но как только захлопываю дверь и оборачиваюсь, встречаюсь взглядом с идущим впереди толпы знакомым, чернокожим парнем, которого часто видела в компании Богдана.

– О, мамочка Ло, ты тоже здесь! – кричит он радостно на всю улицу, пьяно размахивая бутылкой шампанского.

Я краснею от недоумения, возмущения и еще кучи накативших разом эмоций, обескураженно открываю рот, сама не зная, что хочу сказать. К счастью, никто от меня никаких ответов не ждет.

Толпа молодежи просто подходит, окружает, и какие-то девочки в коротеньких шортиках, подчеркивающих их упругие, накаченные попки-полочкой под зазорное «Айда с нами тусить!», приобняв меня, дезориентированную и ни черта не понимающую, ведут в эпицентр веселья.

Я бы воспротивилась, если бы не пыталась лихорадочно понять, что значит это развязное «мамочка Ло».

Обо мне известно друзьям Красавина? И в каком ключе, интересно? Что, если все не так, как мне казалось? Мало ли какие приколы у молодежи...

Прежде, чем меня начало заносить, мы подходим к охране, и друг Богдана объявляет:

– Братан, пропускай. Лучшие девочки для нашего чемпиона. Зацени булки!

Темнокожий с размаху отвечает стоящей рядом шатенке шлепок, отчего она, взвизгнув, хохочет, а после по команде крутится вокруг своей оси, кокетливо демонстрируя себя, словно вещь на витрине. Охранник закатывает глаза и дает отмашку, чтобы проходили. Девочки, смеясь, гуськом устремляются на территорию дома, у меня же глаза лезут на лоб.

Я не ханжа, и прекрасно знаю, как развлекаются богатые мужики, но меня всегда поражают девочки, с энтузиазмом готовые стать куском мяса на их празднике жизни.

Не представляю, как у девчонок получается с легкомысленной улыбкой принимать к себе такое отношение. Я бы точно не смогла. И не потому, что особенная, просто у меня такой брони нет, да и легкости тоже. От того, пожалуй, и все мои проблемы.

Охрана, узнав меня, как-то подозрительно переглядывается, но, невербально посоветовавшись, делает приглашающий жест рукой. У меня же все внутри начинает дрожать. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что я увижу, войдя на территорию дома, но давать заднюю уже как-то... неудобно, хоть и безумно хочется.

«Неудобно на потолке спать!» – язвит внутренний голос, пока я сомнамбулой врываюсь в это царство полуголых, молодых тел, накаченных кто чем и предающихся тут и там разврату.

Все, что я ожидала от новогодней вечеринки получаю здесь с лихвой, чувствуя себя не просто лишней, а будто с другой планеты. Даже молодой меня с трудом можно было бы представить на подобном сборище, ибо это самая настоящая вакханалия.

Не в силах удержаться, брезгливо морщусь, глядя, как молоденькая блондинка раз за разом на потеху толпе выпрыгивает из бассейна, оперевшись ладонями о бортик, пытаюсь ртом поймать зажатую

между пальцами ног какого-то придурка купюру, пока ее обнаженную, подпрыгивающую при каждом рывке грудь поливают пивом, попадая параллельно в рот, в глаза, в нос девушке, отчего она закашливается и, само собой, остается ни с чем, падая обратно в бассейн под хохот следящих за этим глумлением идиотов.

Не знаю, наверное, я все-таки ханжа. Девушка уже через минуту заливисто хохочет со всеми и продолжает игру, а меня перердегивает от омерзения.

От мысли, что вот это вполне себе норма жизни мужчины, которому я приехала признаваться в чувствах, хочется обхватить себя за плечи и бежать.

Я понимаю, что Богдан не в ответе за других людей, и звездный статус обязывает к подобным гульбищам, но мне сейчас так некомфортно, противно и страшно, что об адекватности суждений вряд ли приходится говорить.

Я боюсь того, что могу увидеть, боюсь разочарования, боюсь боли и, что вся моя с небывалым трудом обретенная решимость окажется напрасной, и мне вновь придется собирать себя по кусочкам, пряча под броню неприступности, выращивая свой хитин на слезах и горечи.

Надо уйти! – требует разумная часть, но есть еще та – чисто женская, которая не успокоится, пока не убедится...

В чем? Хороший вопрос.

За ответом на него захожу в дом с грохочущим в такт долбящей по ушам «электронике» сердцем и теряюсь. Ощущение, будто я здесь впервые: все мигает, гудит, танцует. У меня рябит в глазах от, словно идущих волнами стен, от стробоскопов и сверкающих, блестящих топов, украшений, лиц...

Столько народу, и все такие молодые, красивые. Танцуют, подпевают, хлопают диджею, целуются то с одними, то с другими, откровенно друг о друга трутся и явно кайфуют от этой жизни, от себя, от всего происходящего, а может, просто от того, что в их крови.